

О. А. Бедулева
(*научный руководитель Е. К. Созина*)
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Трансформация коммуникативной структуры «Замогильных записок» В. С. Печерина в истории их публикации

Аннотация: в статье рассмотрены письма В. С. Печерина, которые вошли в состав «Замогильных записок» и в 1870–1877 гг. были опубликованы или планировались к печати при жизни автора в условиях жесткой цензуры. Рассматриваются 12 из 44 фрагментов: отрывок «Эпизод из петербургской жизни», адресованный С. Ф. Пояркову, А. В. Никитенко и Ф. В. Чижову, письмо графу С. Г. Строганову и 10 писем, объединенных Ф. В. Чижовым в «Отрывки из автобиографии доктора Фуссгангера». Исследовательский интерес представляет динамика коммуникативной структуры «Замогильных записок» за счет расширения круга адресатов, в который вошли цензоры Главного управления по делам печати, редакторы и читатели изданий «День», «Русский архив», «Русский мир», «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы».

Ключевые слова: В. С. Печерин, литературная исповедь, русская интеллигенция, автобиография, мемуары, письма.

Владимир Сергеевич Печерин – автор «Замогильных записок» – созданных в эмиграции в 1865–1878 гг. мемуарных отрывков, работу над которыми он начал по просьбе своего племянника. Фрагменты писем на родину, собранные позднее в единый текст, формально адресованы нескольким людям: из 44 отрывков 7 предназначались племяннику Печерина С. Ф. Пояркову, 37 – другу по университету, меценату и общественному деятелю Ф. В. Чижову, 1 отрывок из числа полученных Поярковым был отправлен другому университетскому приятелю, цензору А. В. Никитенко, а после – и Чижову.

Кроме указанных, нами выделяется ряд «неочевидных» реципиентов, которым были адресованы записки Печерина: А. И. Герцен, выступающий в роли подразумеваемого адресата, с которым на страницах «Замогильных записок» Печерин ведет заочный диалог, современная общественность, потомки, абстрактный читатель. Кроме того, в рассматриваемое нами издание «Замогильных записок» 1989 г., составленное С. Л. Черновым, вошли письма графу С. Г. Строганову и генералу редемптористов Н. Морону.

В настоящем исследовании рассматриваются письма Печерина, которые вошли в состав «Замогильных записок» и в 1870–1877 гг. и были опубликованы или планировались к печати при его жизни в условиях жесткой цензуры. Объектом исследования выступают 12 фрагментов: отрывок «Эпизод из петербургской жизни», адресованный сразу трем получателям (Пояркову, Никитенко и Чижову), письмо графу Строганову и 10 писем, объединенных Чижовым в единый текст под заголовком «Отрывки из автобиографии доктора Фуссгангера» (отрывки были согласованы для печати, поэтому, несмотря на то что они так и не были изданы в связи с откладыванием редактора и смертью Чижова, мы считаем их «условно допущенными» к печати в ситуации нарастающего контроля в сфере книгоиздания). Ставится цель проследить динамику коммуникативной структуры «Замогильных записок» за счет расширения круга адресатов, в который вошли цензоры Главного управления по делам печати, редакторы и читатели изданий, в которых Поярков и Чижов предпринимали попытки опубликовать записки: «День», «Русский архив», «Русский мир», «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы». Под коммуникативной структурой нами понимается взаимодействие субъекта (адресанта), объекта (сообщения) и адресата (читателя) художественного текста как особой формы коммуникации; под трансформацией – возникновение новых адресатов, которые определяются не автором «Замогильных записок»,

а самой судьбой текста, при этом адресаты влияют на тот текст, который в результате «материализуется».

Цензурная политика требовала прохождения предварительного контроля, ответственность при этом возлагалась как на самих издателей, так и на и служащих, в связи с чем первыми читателями рукописей становились редакторы и члены цензурных комитетов. Первая попытка Пояркова издать мемуары пришлось на 1865 г., когда он направил несколько фрагментов редактору газеты «День» И. С. Аксакову, но получил отказ: «...редакция не признала этого удобным и отказала мне под предлогом, что прекращает свое издание...» (письмо Пояркова Чижову 1870 г.) [Печерин, 2011, с. 801]. С. Л. Чернов отмечает тот факт, что «Современник» (Некрасов, Чернышевский) и «Отечественные записки» (Краевский) дали согласие напечатать заметки Печерина, но в условиях реакции после покушения на Александра II Поярков «либо счел публикацию воспоминаний несвоевременной и неуместной, либо не сумел преодолеть рогаток цензуры» [Печерин, 2011, с. 21] (здесь и далее история публикации писем Печерина воспроизводится по вступ. ст. С. Л. Чернова [Печерин 2011, с. 5–37]).

Благодаря Чижову началась переписка между Печериным и редактором «Русского архива» П. И. Бартеневым и был издан отрывок «Эпизод из петербургской жизни» (1870 г.). Это единственный фрагмент, который Печерин отправил сразу нескольким адресатам в надежде на помощь в издании. Очевидно, что он считал «Эпизод из петербургской жизни» наиболее удачным для того, чтобы с него начать публикацию своих писем на родине (в действительности именно он и был опубликован первым).

Следует отметить, что как только за публикацию мемуаров Печерина взялся Чижов, переписка Печерина и Никитенко прекратилась, а «Эпизод из петербургской жизни» остался единственным фрагментом, который Печерин ему отправил. Исследователь жизни и творчества Печерина Н. М. Первухина-Камышникова отмечает: «Выраженная в письмах к Никитенко благодарность «святой пятнице» скорее соответствует требованиям романтической риторики, нежели свидетельствует о глубоком чувстве» [Первухина-Камышникова, с. 41]. Очевидно, что Никитенко был выбран адресатом совсем не из желания по-дружески поделиться тем, что с Печериным происходило после эмиграции, он намеренно внес в число немногочисленных реципиентов своих записок человека, чье влияние в сфере книгоиздания и печати было весьма существенным, рассчитывая на возможную протекцию в вопросе публикации.

В «Эпизоде из петербургской жизни» нет явного обличения российской действительности, которая стала причиной эмиграции Печерина, как нет и воспоминаний о России как о месте, из которого ему хотелось убежать. Единственную отрицательно окрашенную характеристику России и причину своего бегства он озвучивает через чужую речь (баронессы Розенкампф): «Ах! Как жалко, – говорила она, – как жалко, что в Петербурге нет средств для развития молодого человека!» [Печерин, 1989, с. 165]. С помощью чужого голоса автору удается создать иллюзию нейтрального авторского тона повествования. Кроме того, Печерин упоминает графа Уварова, бывшего министра народного просвещения, вызывавшего критику императора и покинувшего пост после его унижительных слов «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя», и со стыдом описывает их общение: «...я сделался ужасным любимцем товарища министра народного просвещения С. С. Уварова. Раболепная русская натура брала свое» [Печерин, 1989, с. 167]. Очевидно, можно без сомнений судить о стремлении Печерина обойти российскую цензуру посредством использования подобных приемов ухода от прямой критики социальной и политической ситуации на родине. Тем не менее нельзя утверждать, что Печерин намеренно выбирает такой слог, поскольку фрагмент был написан на несколько лет раньше, прежде чем попал в редакцию «Русского архива»; решающее значение имел выбор готового фрагмента, продиктованный положением дел в издательской сфере.

После публикации «Эпизода из петербургской жизни» в 1870 г. Бартеневу написал граф Строганов: «Не полагаете ли Вы, милостивый государь, что для читателей “Русского архива”

будет любопытно продолжение статьи из записок Владимира Сергеевича? Для некоторых молодых оно будет и поучительно; они узнают, как много зависит от первого ложного взгляда на жизнь и как опасно подчинять свои действия позывам эгоизма, своеволия и крайних мыслей. <...> Считаю Печерина умершим для света, это письмо ни в коем случае не может ему вредить» [Печерин, 2011, с. 799]. Несмотря на то, что печать мемуаров в «Русском архиве» было решено отложить, по инициативе Строганова в 1870 г. в нем же было опубликовано письмо 1837 г., адресованное ему Печериным после отъезда из России в ответ на предложение вернуться с сохранением российского подданства и должности в университете.

Письмо Строганову, которое только формально является частью «Замогильных записок» по решению составителей, помогает понять мотивы эмиграции Печерина. Текст представляет собой своеобразную мини-исповедь, в которой Печерин просит прощения у своего адресата и старается объяснить, почему он не может вернуться. Однако, в отличие от довольно четко обозначенных причин, названных в письмах Пояркову и Чижову, Строганову Печерин предлагает весьма размытые формулировки, наполненные романтической риторикой: «Почти с моего детства надо мною тяготеет непостижимый рок. Повинуюсь неборимому влечению таинственной силы, толкающей меня к неизвестной цели, которая виднеется мне в будущем туманной, сомнительной, но прелестной, но сияющей блеском всех земных величий» [Печерин, 1989, с. 172]; «В одну из тех торжественных ночей я услышал голос моего бога, тот строгий грозный голос, который потряс все струны моего сердца. Этот голос прокричал мне: “Что ты тут делаешь? Здесь – нет будущего! Встань! Покинь страну твоих отцов!”» [Печерин, 1989, с. 173]. Печерин будто стремится снять с себя ответственность, создавая иллюзию вынужденности эмиграции, а строки, наполненные презрением к столичной общественности, становятся словно вовсе не его речью.

Следует отметить тот факт, что решение опубликовать письмо было принято не самим Печериным, а Строгановым, поэтому оно искусственно становится частью мемуаров Печерина, создавая специфический контекст для восприятия всего текста: возникает авторский образ, наполненный отчаянием, одиночеством, безысходностью, почти безумием. Кроме того, письмо имело целью воспитание молодого поколения, таким образом, возникает совершенно неожиданный адресат, которого Печерин вряд ли предполагал, – то самое молодое поколение и издатель, который читает этот текст не как собственно частное письмо, а как некий материал для реализации конкретной функции – назидания и поучения.

Чижов поддержал решение редактора «Русского архива» и графа Строганова не торопиться с изданием мемуаров, однако причина была не в цензурных рамках, а в нежелании разрывать текст и печатать отрывки по отдельности. В письме Печерину 1874 г. Чижов сообщил о своих планах напечатать письма в газете «Русский мир», но его внимание переключилось на другой журнал: в том же году Чижов получил предложение опубликовать мемуары Печерина от редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича. Печерин, узнав об этом, просил Чижова не печатать письма, в которых речь идет о его переходе в католицизм, а также опубликовать только воспоминания о раннем периоде жизни, остальное он хотел бы оставить для посмертного издания. Кроме того, он предложил Чижову использовать его литературный псевдоним «доктор Фуссгангер» (в значении «путник»). Причиной такого решения, очевидно, стали два обстоятельства: во-первых, строгая цензура в России, во-вторых, вероятно, тот факт, что Печерин не был уверен, что будет правильно понят современниками, как не был понят Герценом и публично унижен им в «Полярной звезде». Судя по непрекращающимся попыткам опровергнуть обвинения Герцена, в том числе после его смерти, в потерянности, безыдейности, надломленности, Печерин больше всего боялся повторения такой реакции (именно в статусе католического священника он встретился с Герценом).

Осенью 1875 г. Чижов передал Стасюлевичу часть мемуаров, озаглавленную «Отрывки из автобиографии доктора Фуссгангера». В качестве предисловия Чижов использовал первую часть отрывка «Лугано и как я туда попал», «чтобы словами самого В. С. Печерина ярко и убедительно передать причины, побудившие того покинуть Россию» [Печерин, 2011, с. 23].

Вторую половину отрывка Чижов оставил на том месте, где он должен был располагаться хронологически. Всего Чижов передал Стасюлевичу десять отрывков: «Бегство из Цюриха», «Путешествие в Мец и следующие затем события», «Несколько дней до пребывания в Цюрихе», «Путешествие из Меца в Льеж», «Льеж (Liège)», «Апостол коммунизма и Conspiracy de Baboeuf», «Сказание о капитане Файоте и его камердинере», «Макналли и К°», «Перелом», «Из рук вон!».

Действительно, собранные воедино разрозненные письма создают удивительно цельное повествование. Во вступлении в качестве причин эмиграции названы интерес к западной политике, невозможность реализовать себя на родине в профессии, творчестве, разочарование в церкви: «...без всякой разумной цели, так просто посмотреть и погулять... На следующий год я путешествовал один и уже с определенной целью: сблизиться с республиканцами» [Печерин, 1989, с. 175], «Ты думаешь, Чижов, что я оставил Россию так просто, очертя голову, без всякого плана: ты ошибаешься. Все было обдуманно и рассчитано до последней петли. По трем причинам мне невозможно было оставаться в России: 1-я. Религия. <...> 2-я. Профессорство. <...> 3-я. Литература» [Печерин, 1989, с. 175–176]. В остальных отрывках представлен период скитаний по Европе: по мысли С. Л. Чернова, Чижов видел задачу опубликованных фрагментов в том, чтобы «познакомить русскую публику начала 1870-х годов с малоизвестной ей Россией 1830-х» [Печерин, 2011, с. 21]. Несмотря на нарушение композиции, задуманной автором (письма Печерина начинаются описанием детства, которое играет важнейшую роль для понимания его судьбы), текст выполняет одну из своих первоначальных функций – объяснить и оправдаться перед современниками; на ориентацию на близкий круг указывает и замена имени на старый литературный псевдоним, по которому он мог бы быть узнан.

Коммуникативная структура «Замогильных записок» Печерина расширяется и становится многоуровневой за счет включения новых, порой иерархически выстроенных, адресатов: редакторов журналов, в том числе заинтересовавшихся записками, но в итоге принявших решение отказаться от печати отрывков, реальных и потенциальных читателей из числа аудитории этих журналов. За счет ориентации на государственных цензоров, от которых зависела судьба «Замогильных записок», происходит смена целевой установки автора и присвоение текстам дополнительной функции – быть «доставленными» своему адресату. К желанию рассказать историю своей жизни, оправдаться, объяснить, покаяться добавляется вынужденная необходимость ориентироваться на того адресата, которому текст не предназначен, чтобы преодолеть преграду государственного контроля и достичь читателя.

Литература

Первухина-Камышникова Н. М. В. С. Печерин: эмигрант на все времена / Н. М. Первухина-Камышникова. М. : Языки славянской культуры, 2006.

Печерин В. С. Замогильные записки (Apoloġia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова ; коммент. С. Л. Чернова. М. : Издательство Московского университета, 1989. С. 148–311, 381–415.

Печерин В. С. APOLOGIA PRO VITA MEA. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / Отв. ред. и сост. С. Л. Чернов. СПб. : Нестор-История, 2011.

Beduleva O. A. Transformation of the communicative structure of V. S. Pecherin's "Notes from Beyond the Grave" in the history of their publication

Abstract. The article analyzes the letters by V. S. Pecherin, which were included in the "Notes from Beyond the Grave" and in 1870–1877 were published or planned for publication during his lifetime under conditions of strict censorship. 12 out of 44 fragments are considered: an excerpt "An Episode from St. Petersburg Life" addressed to S. F. Poyarkov, A. V. Nikitenko and F. V. Chizhov, a letter to Count S. G. Stroganov and 10 letters combined by F. V. Chizhov in "Passages from the Autobiography of Dr. Fussganger". Of research interest is the dynamics of the communicative structure of Zamogilnye Zapiski due to the expansion of the circle of addressees, which included

censors of the Main Directorate for Press Affairs, editors and readers of the publications “Day”, “Russian Archive”, “Russian World”, “Domestic Notes”, “Contemporary”, “Herald of Europe”.

Keywords: V. S. Pecherin, literary confession, Russian intelligentsia, autobiography, memoirs, letters.

Гун Цзэхуэй

(научный руководитель Н. В. Пращерук)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Рассказ в письмах И. А. Бунина «Неизвестный друг»: динамические изменения переживаний героини

Аннотация: в статье проанализирован рассказ И. А. Бунина «Неизвестный друг» в ракурсе последовательного погружения в динамику переживаний героини.

Ключевые слова: Бунин, неизвестный друг, динамика, чувство, психологический анализ.

Рассказ «Неизвестный друг» был опубликован впервые в альманахе «Златоцвет», вышедшем в Берлине в 1924 г. «Неизвестный друг» – это история русской женщины, которая написала 14 писем своему соотечественнику – известному писателю после того, как была глубоко потрясена чтением его произведений. Из писем мы можем понять, что она – русская дворянка, живущая в Ирландии с мужем-французом и несколькими детьми. Из-за бизнеса мужа ей часто приходится бывать на приемах, но после этого она чувствует себя опустошенной. У нее нет друзей в чужой стране, поэтому произведения русских писателей находят в ее сердце глубокий отклик. Прототипом героини является Наталья Петровна Эспозито. В отличие от героини рассказа, она получила ответ и поддерживала связь с Буниным с 1901 по 1903 год.

Изменения в душевном состоянии героини можно разделить на три этапа: первое впечатление, горячность и охлаждение.

Первый этап: первое впечатление

Впервые героиня пишет краткое письмо автору 7 октября, представляясь «неизвестным другом» из далекой Ирландии. 8 октября героиня пишет автору во второй раз, объясняя, как она познакомилась с ним, «случайно купила вашу книгу»¹, и читала ее на обратном пути на виллу. Похоже, ей не нравится эта страна, она считает ее чужой. Героине трудно здесь жить, несмотря на материальное благополучие.

10 октября, героиня «не смогла удержаться» и снова написала автору. В сумрачной комнате, когда на улице идет дождь, героиня хочет побольше рассказать автору о себе, но это непросто: «Мне хотелось бы сказать вам многое, но ведь вы знаете лучше других, как это трудно, почти невозможно – высказывать себя» [с. 90]. Она дала высокую оценку произведению, когда прочитала его: «это радость ощущения божественной прелести человеческой души, которую открывают нам немногие, подобные вам, напоминающие, что она все-таки есть, эта божественная прелесть» [с. 90]. Он даже привнес проблеск надежды в ее «мрачную» жизнь и заставил задуматься о том, «как все-таки прекрасна жизнь» [с. 90].

Ночью она снова пишет, и в этом «разговоре» героиня, действительно, считает себя другом автора, ей хочется рассказать ему правду о своей ситуации как другу: она не молода,

¹ Бунин И. А. Неизвестный друг / Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. М. : Худ. литература. 1966. Т.5. В дальнейшем рассказ цитируется по этому изданию с указанием страницы в тексте статьи в скобках.